

Буренко Людмила Васильевна

ОСОБЕННОСТИ ДЕКЛИНАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ЕНИСЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена синхронному описанию систем склонения имени существительного в бесписьменных енисейских языках (кетском, коттском и югском), единственным живым представителем которых является кетский язык; выводы, предложенные автором исследования, иллюстрируются парадигматическим материалом, представленным в таблицах. Также показывается дискуссионность статуса падежной системы в енисейских языках.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/8-2/24.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 8(74): в 2-х ч. Ч. 2. С. 88-92. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

INTERFERENCE PHENOMENA IN THE USAGE OF GERMAN PREPOSITIONS AND CONJUNCTIONS BY THE NATIVE SPEAKERS OF RUSSIAN

Briskina Elena Viktorovna

*Plekhanov Russian University of Economics, Moscow
ebris72@yandex.ru*

The article examines the typical mistakes when using German prepositions and conjunctions by the native speakers of Russian the reason for which is interference. Both prepositions and conjunctions belong to auxiliary words which are usually specific for each particular language and this fact makes their study rather complicated. Interference in the usage of prepositions and conjunctions often has similar reasons. Insufficiently differentiated knowledge acquired at the early stage of teaching often becomes the reason for inappropriate use of these lexical units at the subsequent stage. The article analyzes the existing regularities and tries to find the ways to minimize native language interference in such cases.

Key words and phrases: interference; native language influence; German prepositions; German conjunctions; verb government; collocations; studying German.

УДК 81-23

Статья посвящена синхронному описанию систем склонения имени существительного в бесписьменных енисейских языках (кетском, коттском и югском), единственным живым представителем которых является кетский язык; выводы, предложенные автором исследования, иллюстрируются парадигматическим материалом, представленным в таблицах. Также показывается дискуссионность статуса падежной системы в енисейских языках.

Ключевые слова и фразы: енисейские языки; кетский язык; коттский язык; югский язык; система склонения имени существительного; падежная система; бесписьменные языки.

Буренко Людмила Васильевна, к. филол. н.
*Южный федеральный университет, г. Таганрог
lburenko@yandex.ru*

ОСОБЕННОСТИ ДЕКЛИНАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ЕНИСЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Енисейские языки (аринский, ассанский, кетский, коттский, пумпокольский, югский) – это группа языков, распространённая в Сибири вдоль Енисея. Енисейские языки образуют изолированную группу языков среди других языковых семей Евразии.

Интерес к енисейским языкам оправдан множеством факторов. Во-первых, как отмечает Г. Т. Поленова, они относятся к очень древним языкам и их возраст определяется многими тысячелетиями, вплоть до палеолита [12, с. 5]. В единственном живом представителе енисейских языков – кетском языке – обнаруживаются черты, присущие разным этапам развития языка, в том числе классного и активного.

Во-вторых, развиваясь изолированно, енисейские языки, однако, обнаруживают типологические сходства с множеством других языков самых разных ареалов и типов [Там же].

В-третьих, енисейские языки являются языками бесписьменными, что позволяет исследователям интерпретировать языковые факты нетривиально, без доминирующего влияния традиции.

К концу XX в. сохранилось лишь два енисейских языка – кетский (название народности происходит от слова *ke?t* ‘человек’) и югский (самоназвание *jugyn*), образующих кетско-югскую группу в рамках енисейской семьи. Среди других енисейских языков только коттский сохранился в живом употреблении до середины XIX в. и был в последний раз описан М. А. Кастреном в середине XIX в.

М. А. Кастрену принадлежит первое научное описание енисейских языков: енисейско-остяцкого (т.е. кетско-го и югского) и коттского [16, S. 25-35]. Его коттская грамматика является уникальным трудом по енисейскому языкознанию, поскольку коттский язык полностью исчез вскоре после путешествий М. А. Кастрена по Сибири.

Вопрос о падежной системе в енисейских языках дискутируется уже со времен М. А. Кастрена (подробнее об этом в работе [2]). На первом этапе его обсуждение протекало спокойно, поскольку Н. К. Каргер, А. П. Дульзон, Е. А. Крейнович и другие ученые в целом следовали за М. А. Кастреном, лишь уточняя состав и характеристику падежей. Но дискуссия резко оживилась, когда енисейстика во второй половине XX века подошла к вопросу об общем типологическом состоянии енисейских языков в свете контентивно-типологической теории, ибо в этом случае никак нельзя было обойти вопрос о позиционных падежах, о субъектно-объектных отношениях и, конечно, о статусе падежной системы как таковой.

М. А. Кастрен в этом случае следовал своей интуиции и, описывая енисейскую падежную систему как уралист, интерпретировал енисейские языковые факты по схеме уральских и, прежде всего, самодийских языков.

Однако в дальнейшем мнения по данному вопросу разделились: Б. А. Успенский [15] исходил из эргативного характера енисейских языков, Бернард Комри [17] рассматривал их как языки активного строя, ряд других ученых (М. Н. Валл, И. А. Канакин [6], Э. И. Белимов [1], С. С. Буторин [3], К. Ю. Решетников, Г. С. Старостин [14]) относит их к языкам ролевого типа, а Э. Вайда определяет их как не принадлежащие ни к одному из этих типов [4; 18]. Очевидно, что каждый подход предполагает и определенный взгляд на падежную систему.

Подобное разночтение, скорее всего, вызвано тем, что учеными не учитываются реликтовые явления, которые обнаруживаются в енисейских языках. Эти реликтовые явления представляют большой интерес как при исследовании эволюции языкового типа в целом, так и отдельных его подсистем. Попытка диахронического исследования грамматической категории падежа енисейских языков с привлечением данных этнографии и философии (мифологии) уже была предпринята [13].

Теоретическая значимость настоящей работы состоит в рассмотрении проблемы енисейского склонения с позиции синхронии.

Вопрос об общем типологическом состоянии енисейских языков является принципиальным и для нашего исследования. Вслед за Г. К. Вернером [7; 10] и Г. Т. Поленовой [12], мы относим енисейские языки к языкам номинативно-аккузативной типологии.

Морфологическая структура имени в енисейских языках характеризуется как агглютинирующая, однако эта агглютинация весьма необычна. Так, несмотря на то, что формальные показатели имени, как правило, постпозитивны и легко поддаются вычленению, тесного фонетического взаимодействия между основой имени и падежной морфемой в большинстве случаев не существует: падежные морфемы могут употребляться отдельно от именной основы. Например: *kida ban ultayij diyta onaj* 'на этой земле болот много' (досл. 'эта земля, болот на ней много') вместо *kida bandiyta ultayij onaj*, где *diyta* – показатель местно-личного падежа женского рода – употребляется отдельно от существительного *ban* 'земля, страна' (перевод автора статьи – Л. Б.).

Как отмечалось выше, кетский, как и другие енисейские языки, никогда не имел письменности, а материалы, которые имеются в наличии, записывались учёными по восприятию речи на слух, и каждый записывающий членил речевой поток, опираясь на свой личный опыт и интуицию. Вследствие этого одна и та же последовательность речевых единиц может состоять из различных языковых единиц. Так, например, последовательность *ba:tdanabada* может оказаться *ba:t dana bada* 'старик ему сказал' или *ba:tdana bada* 'старика он сказал' – в зависимости от контекста. Примером всего сказанного выше может служить следующая последовательность: *tulojo:nenba:tdeba:maşna*. В работе М. Н. Валл и И. А. Канакина она представлена в виде предложения: *tul ojo:nen ba:t de ba:maşnağa*, а суффикс *-nağa* иллюстрирует, по замыслу авторов, такую особенность кетской морфологии, как «групповая суффиксация» [5, с. 12]. Однако исследователями не отмечается при этом наличие показателя орудно-совместного падежа *-aş* у существительного *ba:m*, который в данном случае также является групповым суффиксом совместности, а значит, более точным будет членение *tul ojo:nen ba:t daba:maş nağa* 'потом они пошли к старику с его старухой', где показатель дательного-направительного падежа *-nağa* – отделяется от существительных, к которым он относится, обобщая их.

Позиционная свобода распространяется также на отношения между падежным и предикативным показателями, последовательность которых не фиксирована, например: *qus'ka* 'в чуме' (*-ka* – показатель местного падежа, вещный класс), *qus'kadu* 'он в чуме' (*du* – предикативный аффикс 3-го л. ед.ч. м.р., выносится за падежный показатель), и в то же время в примере *bu kan qa:duya kan dqa:sak abiņa* 'если он дома, пусть зайдёт ко мне' показатель местного падежа, вещного класса *-ya* следует за формой *qa:du* 'он дома'.

Своеобразная особенность кетского языка состоит также в том, что падежные аффиксы способны присоединяться к личным и неличным формам глагола, например: *s'es'te* 'он сидит', *s'es'olte* 'он сидел', *s'es'tebes'* 'сидя' (наст. и буд. время), *s'es'oltebes'* 'сидя' (прош. время), где *-bes'* – суффикс продольного падежа.

Существует лишь два ограничения свободы расположения падежных формантов: во-первых, они не могут предшествовать показателю множественного числа, и, во-вторых, они всегда находятся в постпозиции к существительному, например: *obdaga* 'отцу', *obanaga* 'отцам'.

Все перечисленные выше особенности, а также отсутствие чётких критериев для разграничения падежных форм и послеложных конструкций заставляют учёных сомневаться в правомерности выделения такой грамматической категории, как категория падежа, в енисейских языках.

Мы, однако, считаем, что описанные языковые факты свидетельствуют лишь о том, что в кетском языке категория падежа образовалась сравнительно недавно и находится в процессе становления.

Рассмотрим падежные системы кетского, котского и югского языков.

Прежде всего, отметим, что, вслед за А. П. Дульзоном [11] и Г. К. Вернером [20], мы поддерживаем традиционный взгляд на категорию падежа и выделяем для кетского имени существительного 11 падежей.

В результате анализа данных парадигмы склонения существительных единственного и множественного числа (см. Таблицу 1) обнаруживаются следующие оппозиции: в единственном числе – «мужской/немужской», а во множественном числе – «вещный/невещный», что позволило Г. К. Вернеру выделить три типа склонения существительного в енисейских языках [9, с. 214-216; 20, S. 104-106].

Распределение кетских имён существительных по трём типам склонения представлено в Таблице 2.

К первому склонению относятся неодушевлённые существительные класса вещей. Это склонение характеризуется совпадением падежных показателей в единственном и множественном числе, наличием звука 'i' в родительном, дательном-направительном, исходном, назначительном и местно-личном падежах и отсутствием звательного падежа.

Таблица 1.

Парадигма склонения кетских существительных

Падеж	Одушевлённые существительные				Неодушевлённые существительные / класс вещей	
	мужской класс		женский класс		ед. ч.	мн. ч.
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.		
Основной	<i>op</i> отец	<i>obaŋ</i> отцы	<i>am</i> мать	<i>amaŋ</i> матери	<i>l'em</i> доска	<i>l'emih</i> доски
Родительный	<i>opda</i>	<i>obaŋna</i>	<i>amdi/amt</i>	<i>amaŋna</i>	<i>l'emdi</i>	<i>l'emihdi</i>
Дательно-направительный	<i>opdaŋa</i>	<i>obaŋnaŋa</i>	<i>amdiŋa</i>	<i>amaŋnaŋa</i>	<i>l'emdiŋa</i>	<i>l'emihdiŋa</i>
Исходный	<i>opdaŋal'</i>	<i>obaŋnaŋal'</i>	<i>amdiŋal'</i>	<i>amaŋnaŋal'</i>	<i>l'emdiŋal'</i>	<i>l'emihdiŋal'</i>
Назначительный	<i>opdata</i>	<i>obaŋnata</i>	<i>amdita</i>	<i>amaŋnata</i>	<i>l'emdita</i>	<i>l'emihdita</i>
Местно-личный	<i>opdaŋta</i>	<i>obaŋnaŋta</i>	<i>amdiŋta</i>	<i>amaŋnaŋta</i>	<i>l'emdiŋta</i>	<i>l'emihdiŋta</i>
Местно-временной	–	–	–	–	<i>l'emya/</i> <i>l'emka</i>	<i>l'emihya/</i> <i>l'emihka</i>
Орудно-совместный	<i>opas'</i>	<i>obaŋas'</i>	<i>amas'</i>	<i>amaŋas'</i>	<i>l'emas'</i>	<i>l'emihas'</i>
Продольный	–	–	–	–	<i>l'embes'</i>	<i>l'emihbes'</i>
Лишительный	<i>opan'</i>	<i>obaŋan'</i>	<i>aman'</i>	<i>amaŋan'</i>	<i>l'eman'</i>	<i>l'emihan'</i>
Звательный	<i>oro</i>	<i>obaŋA</i>	<i>ama</i>	<i>amaŋA</i>	–	–

Ко второму склонению относятся существительные мужского класса. Это склонение характеризуется дифференциацией единственного и множественного числа, наличием звука 'a' в родительном, дательно-направительном, исходном, назначительном и местно-личном падежах, наличием звательного падежа с показателем -o в единственном и -A во множественном числе и отсутствием местного и продольного падежей.

Первое и второе склонения чётко дифференцированы как в единственном, так и во множественном числе. Что касается третьего склонения, к которому относятся существительные женского класса, то в единственном числе оно характеризуется теми же падежными показателями, что и первое склонение, но в отличие от него имеет показатель звательного падежа -a и не имеет местного и продольного падежей, а во множественном числе падежные показатели третьего склонения совпадают с падежными показателями второго склонения.

Таблица 2.

Падежные показатели кетских существительных первого, второго и третьего склонения

Падеж	Неодушевлённые существительные		Одушевлённые существительные			
	первое склонение (вещный класс)		второе склонение (мужской класс)		третье склонение (женский класс)	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
Неопределённый	<i>∅</i>	<i>∅</i>	<i>∅</i>	<i>∅</i>	<i>∅</i>	<i>∅</i>
Родительный	<i>-di (-d/-t)</i>	<i>-di (-d/-t)</i>	<i>-da</i>	<i>-na</i>	<i>-di (-d/-t)</i>	<i>-na</i>
Дательно-направительный	<i>-diŋa</i>	<i>-diŋa</i>	<i>-daŋa</i>	<i>-naŋa</i>	<i>-diŋa</i>	<i>-naŋa</i>
Исходный	<i>-diŋal'</i>	<i>-diŋal'</i>	<i>-daŋal'</i>	<i>-naŋal'</i>	<i>-diŋal'</i>	<i>-naŋal'</i>
Назначительный	<i>-dita</i>	<i>-dita</i>	<i>-data</i>	<i>-nata</i>	<i>-dita</i>	<i>-nata</i>
Местно-личный	<i>-diŋta</i>	<i>-diŋta</i>	<i>-daŋta</i>	<i>-naŋta</i>	<i>-diŋta</i>	<i>-naŋta</i>
Местно-временной	<i>-ya/-ka</i>	<i>-ya/-ka</i>	–	–	–	–
Орудно-совместный	<i>-as'</i>	<i>-as'</i>	<i>-as'</i>	<i>-as'</i>	<i>-as'</i>	<i>-as'</i>
Продольный	<i>-bes'</i>	<i>-bes'</i>	–	–	–	–
Лишительный	<i>-an'</i>	<i>-an'</i>	<i>-an'</i>	<i>-an'</i>	<i>-an'</i>	<i>-an'</i>
Звательный	–	–	<i>-o</i>	<i>-A</i>	<i>-a</i>	<i>-A</i>

Данные югского (Таблица 3) и коттского (Таблица 4) языков позволяют заключить, что система трёх склонений представляет собой общеенисейское явление.

В югском языке выделяются 10 падежей [19]. По сравнению с кетским языком, в югском языке нет местно-личного падежа (адессива) на *-daŋta/-diŋta*. Однако принципиальных отличий в падежных системах кетского и югского языков не обнаруживается: в югском языке также выделяется группа падежей, образованных на основе родительного падежа, падежные форманты которых передают информацию о классе имени существительного – родительный, дательный, исходный и назначительный падежи, и, следовательно, такие же оппозиции и три типа склонения можно выделить и в югском языке.

В Таблице 4 представлена парадигма склонения имён существительных коттского языка.

Основываясь на данных, представленных в Таблицах 1-4, можно сделать следующие выводы. Прежде всего, отметим, что в современном кетском, а также в исчезнувших коттском и югском языках с учётом парадигм единственного и множественного числа можно выделить три типа склонения существительных –

мужское, женское и вещное. Кроме того, элементы 'a' и 'i', проявляющиеся в единственном числе в аффиксах родительного, дательно-направительного, исходного, назначительного и местно-личного падежей, делят имена существительные всех енисейских языков на две группы: а) существительные, имеющие звук 'a' в падежных аффиксах, классифицируются носителями языка как одушевлённые вообще и выражают понятие живого предмета мужского пола; б) существительные со звуком 'i' в падежных аффиксах относятся к неодушевлённому классу вообще или выражают понятие живого предмета женского пола.

Таблица 3.

Парадигма склонения существительных в югском языке

Падеж	Одушевлённые существительные				Неодушевлённые существительные / класс вещей	
	мужской класс		женский класс			
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
Именительный	<i>χɔ^h.j</i> медведь	<i>χon</i> медведи	<i>fuʔn</i> дочь	<i>fɔniŋ</i> дочери	<i>χuʔs</i> чум	<i>χuʔŋ</i> чумы
Родительный	<i>χɔjda</i>	<i>χonna</i>	<i>fundɪ</i>	<i>fɔniŋna</i>	<i>χuzdi</i>	<i>χuŋdi</i>
Дательный	<i>χɔjdaŋ</i>	<i>χonnaŋ</i>	<i>fundɪŋ</i>	<i>fɔniŋnaŋ</i>	<i>χuzdiŋ</i>	<i>χuŋdiŋ</i>
Исходный	<i>χɔjdaŋə:r</i>	<i>χonnaŋə:r</i>	<i>fundɪŋə:r</i>	<i>fɔniŋnaŋə:r</i>	<i>χuzdiŋə:r</i>	<i>χuŋdiŋə:r</i>
Назначительный	<i>χɔjdata</i>	<i>χonnata</i>	<i>fundita</i>	<i>fɔniŋnata</i>	<i>χuzdita</i>	<i>χuŋdita</i>
Местный	<i>χɔjgej</i>	<i>χongeŋ</i>	<i>fungej</i>	<i>fɔniŋgej</i>	<i>χuskej</i>	<i>χuŋkej</i>
Продольный	<i>χɔbes</i>	<i>χonbes</i>	<i>funbes</i>	<i>fɔniŋbes</i>	<i>χuzbes</i>	<i>χuŋbes</i>
Совместный	<i>χɔjfaŋ</i>	<i>χonfaŋ</i>	<i>funfaŋ</i>	<i>fɔniŋfaŋ</i>	<i>χusfaŋ</i>	<i>χuŋfaŋ</i>
Лишительный	<i>χɔjfan</i>	<i>χonfan</i>	<i>funfan</i>	<i>fɔniŋfan</i>	<i>χusfan</i>	<i>χuŋfan</i>
Звательный	<i>χɔjə</i>	<i>χonA</i>	<i>funA</i>	<i>fɔniŋA</i>	–	–

Таблица 4.

Парадигма склонения существительных в коттском языке

Падеж	Одушевлённые существительные				Неодушевлённые существительные / класс вещей	
	мужской класс		женский класс			
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
Именительный	<i>o:p</i> отец	<i>o:paŋ</i> отцы	<i>a:ma</i> мать	<i>a:maŋ</i> матери	<i>hu:š</i> чум	<i>huŋ</i> чумы
Родительный	<i>o:pa:</i>	<i>o:paŋa:ŋ</i>	<i>a:mi</i>	<i>a:maŋa:ŋ</i>	<i>hu:či</i>	<i>huŋi</i>
Дательный	<i>o:pa:ʔa</i>	<i>o:paŋa:ŋa</i>	<i>a:miga</i>	<i>a:maŋa:ŋa</i>	<i>hu:čiŋa</i>	<i>huŋiŋa</i>
Местный	<i>o:pa:hat</i>	<i>o:paŋa:ŋhat</i>	<i>a:mihat</i>	<i>a:maŋa:ŋhat</i>	<i>hu:čiŋhat</i>	<i>huŋiŋhat</i>
Исходный	<i>o:pa:čaŋ</i>	<i>o:paŋa:ŋčaŋ</i>	<i>a:mičaŋ</i>	<i>a:maŋa:ŋčaŋ</i>	<i>hu:čičaŋ</i>	<i>huŋičaŋ</i>
Орудный	<i>o:po:</i>	<i>o:paŋo:</i>	<i>a:mao:</i>	<i>a:maŋo:</i>	<i>hu:čo:</i>	<i>huŋo:</i>
Совместный	<i>o:po:š/ o:paš</i>	<i>o:paŋoš</i>	<i>a:mao:š</i>	<i>a:maŋo:š</i>	<i>hu:čoš</i>	<i>huŋoš</i>
Лишительный	<i>o:pfun</i>	<i>o:paŋfun</i>	<i>a:mafun</i>	<i>a:maŋfun</i>	<i>*hu:šfun</i>	<i>*huŋfun</i>
Сравнительный	<i>o:ppaš</i>	<i>o:paŋpaš</i>	<i>a:mabaš</i>	<i>a:maŋpaš</i>	<i>*hu:šbaš</i>	<i>*huŋpaš</i>
Звательный	<i>o:po:/ o:bo:</i>	<i>o:paŋo:</i>	<i>a:ma:</i>	<i>a:maŋo:</i>	–	–

Заметим также, что общий состав падежей в рассмотренных трёх енисейских языках – коттском, югском и кетском – имеет некоторые различия. В отличие от кетского языка, в котором выделяются 11 падежей, в югском языке нет местно-личного падежа. В коттском языке мы, вслед за М. А. Кастреном [16] и Г. К. Вернером [8], выделяем отдельно орудный падеж с аффиксом *-o:* и совместный – с аффиксом *-oš/-aš*. Интересно, что М. А. Кастрен в своём коттском словаре указывал, что *oš* – это послелог инструктива со значением 'посредством' [16, S. 52-53]. В коттском не были зафиксированы назначительный и продольный падежи; звательный падеж не имел никакого специального аффикса, а коттский местный падеж, скорее, соответствует кетскому местно-личному падежу, поскольку в его показателях также обнаруживается различие между мужским и женским классами.

Обращает на себя внимание также тот факт, что в окончаниях кетских и югских падежей группы родительного падежа помимо элементов 'a' и 'i', передающих информацию о классе, к которому данное существительное относится, стоит морфоэлемент *-d-*. А. П. Дульзон рассматривал его как показатель одушевлённого класса [11, с. 135]. Для коттского языка наличие морфоэлемента *-d-* не отмечается.

В заключении отметим, что, несмотря на статус рассматриваемых в настоящей работе енисейских языков (коттский и югский относятся к мёртвым языкам, а кетский – к исчезающим), подобные исследования являются актуальными, поскольку, с одной стороны, призваны помочь сохранить богатство и многообразие языков, а вместе с ними и человеческой культуры, а с другой стороны, являются отправной точкой в дальнейших исследованиях категории падежа, как в синхронных, т.е. её функционирование в данном синхронном срезе языка и взаимосвязь с другими явлениями, так и в диахронных, показывающих данную категорию в развитии.

Список источников

1. **Белимов Э. И.** Кетский синтаксис. Ситуация. Пропозиция. Предложение. Новосибирск: НГУ, 1991. 164 с.
2. **Буренко Л. В.** Наиболее спорные вопросы кетского склонения // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2010. № 10. С. 12-18.
3. **Буторин С. С.** Описание морфологической структуры финитной глагольной словоформы кетского языка с использованием методики порядкового членения: дисс. ... к. филол. н. Новосибирск, 1995. 197 с.
4. **Вайда Э.** Актантные спряжения в кетском языке // Вопросы языкознания. 2000. № 3. С. 21-41.
5. **Валл М. Н., Канакин И. А.** Категории имени в кетском языке. Новосибирск: Наука, 1985. 56 с.
6. **Валл М. Н., Канакин И. А.** Очерк фонологии и грамматики кетского языка. Новосибирск: Наука, 1990. 101 с.
7. **Вернер Г. К.** К типологической характеристике енисейских // Проблемы типологии и контрастивного описания языков. Новосибирск: Наука, 1984. С. 3-29.
8. **Вернер Г. К.** Коттский язык. Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 1990. 410 с.
9. **Вернер Г. К.** О родовой дифференциации в падежных показателях современных енисейских языков // Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л.: Наука, 1974. С. 211-219.
10. **Вернер Г. К.** Реликтовые признаки активного строя в кетском языке // Вопросы языкознания. 1974. № 1. С. 34-45.
11. **Дульзон А. П.** Кетский язык. Томск: Изд-во ТГУ, 1968. 636 с.
12. **Поленова Г. Т.** Происхождение грамматических категорий глагола (на материале енисейских языков). Таганрог: Изд-во Таганрогского государственного педагогического института, 2002. 202 с.
13. **Поленова Г. Т., Буренко Л. В.** Влияние мифологической картины мира енисейцев на их язык (к вопросу о происхождении категории падежа) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 10 (28). С. 133-138.
14. **Решетников К. Ю., Старостин Г. С.** Структура кетской глагольной словоформы // Кетский сборник. М.: Изд-во Восточной литературы, 1995. С. 3-122.
15. **Успенский Б. А.** Замечания по типологии кетского глагола // Вопросы структуры языка. М.: Наука, 1964. С. 144-156.
16. **Castrén M. A.** Versuch einer Ostiakischen Sprachlehre, nebst kurzem Wörterverzeichnis. St. Petersburg, 1858. 125 S.
17. **Comrie B.** Language universals and linguistic typology: syntax and morphology. Oxford – Chicago: Blackwell; University of Chicago Press, 1981.
18. **Vajda E.** Ket verb structure in typological perspective // Sprachtypologie und Universalienforschung 56.1/2. Berlin: Akademie Verlag, 2003. S. 55-92.
19. **Werner H.** Das Jugische (Sym-Ketische). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997. 325 S.
20. **Werner H.** Die Ketische Sprache. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997. 405 S.

SPECIFICITY OF NOUN DECLINATION SYSTEM IN THE YENISEIAN LANGUAGES

Burenko Lyudmila Vasil'evna, Ph. D. in Philology
 Southern Federal University, Taganrog
 lburenko@yandex.ru

The article provides a synchronous description of noun declination systems in the unwritten Yeniseian languages (Ket, Kott and Yugh), the only living representative of which is Ket language; the author's conclusions are illustrated by paradigmatic material represented in the charts. The paper shows the controversial nature of declination system status in the Yeniseian languages.

Key words and phrases: Yeniseian languages; Ket language; Kott language; Yugh language; noun declination system; case system; unwritten languages.

УДК 81,581; 395.7

Статья посвящена анализу неологизмов современного китайского языка. В исследовании рассматривается возникновение и использование неологизмов, связанных с деньгами, на китайском языке, их культурные особенности и проявления китайской жизни в неологизмах. Также поднимается вопрос о том, как долго неологизмы остаются новым лексиконом. Данный вопрос рассматривается в опросе носителей языка, проведенном среди молодого населения. Из опроса следует, что неологизмы, существующие в языке более 5 лет, или проникают в китайский язык, или исчезают из обихода.

Ключевые слова и фразы: синология; неологизмы; китайские неологизмы; деньги; культура; китайская культура.

Глушкова Светлана Юрьевна, к. филол. н.
Нуриева Лилия Фаритовна
 Казанский (Приволжский) федеральный университет
 svetaelina@gmail.com

КИТАЙСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕНЬГАМ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЕ В НЕОЛОГИЗМАХ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

В последние десятилетия родилось и приобрело активное развитие лингвокультурологическое направление в лингвистических исследованиях. Так как язык не может существовать без личности, современное языкознание в центр исследований поставило человека и определение его места в культуре.